

СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ

КОГДА ПОСЛЕ очередного выступления прозвучали аплодисменты, поднялись несколько человек, чтобы выкатить на сцену и в зал еще три рояля. «В консерватории, оказывается, и атлеты встречаются!» — удивилась я, увидев, с какой легкостью орудует молодой человек в темном свитере, сидевший ряды за два впереди. Инструменты установили. По юм объявили, что будет исполняться «In memoriam», новое произведение пятикурсника отделения композиции Петериса Васка... И снова мы аплодировали, и отнюдь не из вежливости. Кто-то взывал — «автора!». И поднялся тот самый «атлет» и раскланялся с сияющим видом. Вот тебе и раз! Позже, правда, выяснилось, что Петерис вместе с другими студентами часто устраивают концерты в Риге и других городах и селах республик. И выступают на них не только как авторы и исполнители, но и ролью рабочих сцены тоже не брезгают.

Видела его еще несколько раз в консерватории, в Доме кино, на просмотре новых документальных фильмов нашей киностудии. А познакомилась только когда собралась писать о нем. И, кажется, поняла и поверила. Поняла, зачем ему все его неудобоваримые для многих эксперименты. Поверила его музыке. Потому что увидела: человек этот не оторван от жизни, не замкнут в пресловутой башне своего внутреннего мира. И не себя показать он жаждет. А настроить себя, как некий инструмент, на звучание современности. Чтобы увидеть всю ее панораму, больше и точнее понять и почувствовать. И тогда — показать ее нам. Согласитесь: если ты видишь абсолютно как все, скользишь по поверхности явлений, — какой ты художник? Тебе должны быть открыты связи между прошлым и будущим, потому что творчество всегда устремлено вперед.

Не бояться утруждать себя. Искать информацию во всех областях искусства, философии, истории... Без этого не возникнет чувство времени и связи с другими думающими людьми. И не только наблюдать со стороны, а вмешиваться в жизнь. И ждать отдачи от слушателей...

— Часто от музыки ждут какого-то успокаивающего, чуть ли не наркотического действия. Я бы хотел, чтобы мои произведения слушали с ясной трезвой головой! Между музыкой и слушателем обязательно должен возникнуть разряд, подобный электрическому. Тогда, если это еще живой человек, он может очнуться, вспомнить о себе самом. В нем всколыхнется доброе и хорошее. Надо искать активное добро. И стараться заставить его поверить в свою силу, в то, что оно не одиноко.

В произведениях Васка постоянным камертоном звучит тревога. Но это не мрачная пессимистическая тревога неверия в человека. Обнажая в человеке бесчеловечное, художник подсказывает ему, от чего он должен избавиться в себе.

— Не понимают тебя (не хотят или не могут) — постарайся докопаться до причин. Не иди на компромиссы только ради немедленно-го признания. Такой путь слишком опасен. Ну, спустившись до определенного уровня. Поднимешься ли в результате этого слушательский уровень? Или опустится еще ниже?... Тянуться-то не за кем. Но и сам ты — взойдешь ли вновь на свою вершину?... По-моему, поймут слушатели или не поймут, должно волновать не столько композитора, сколько музыковедов. Учить воспринимать музыку, объяснять ее движение и развитие. Этим, наверное, должна гораздо больше заниматься система общего музыкального воспитания и образования. Музыкологи, музыковеды, наверное, могли бы работать в два раза больше. А дело композитора — сама музыка.

Какова же эта «сама музыка» Петериса Васка?

ЕГО ЧАСТО ругают. За дерзость, за экспериментаторство.

...Струны рояля, оказывается, если их тронешь рукой, издают странный, неповторимый звук. И даже удар по металлическим частям «внутренностей» инструмента дает долгий раскатистый гул. И вот пианист касается струн, и они поют таинственно, тихо, нежно. Им вторят привычные звуки фортепиано. Но где-то таится тревога. И когда на тебя уже опускается покой, в эту гармонию вторгается жесткий, какой-то механический аккорд...

Между прочим, этот эффект применяли еще в 20—30-х годах. Забытое старое, а звучит непривычно. И даже шокирует. Не всякий выдержит такое зрелище: пианист вдруг встает, чуть наклоняется и ныряет в «клавиш» рояля. Как-то не деликатно. Но если не смотреть, только слушать — впечатляет.

Недавно Петерис закончил «Музыкальные моменты для кларнета соло». Один из «моментов», например, исполняется только на снятом с кларнета мундштуке. Выя-

вить все возможности инструмента? Нет, это не самоцель. Просто именно такое звучание, именно в этот момент было ему необходимо для выражения замысла произведения.

— Лучше уж экспериментировать, пока ходишь в студентах: простят по молодости. А дальше... — шутит Петерис. Потом уже без улыбки: — Не собираюсь заниматься своими изысканиями на глазах у публики. Эксперимент для меня — это поиск своего звукового мира. Выбор из громадного количества выразительных средств, технических приемов того, что именно мне ближе, моей индивидуальности, характеру. И дома может быть хоть тысяча вариантов сочинения, а люди услышат лишь тот, в котором я абсолютно уверен.

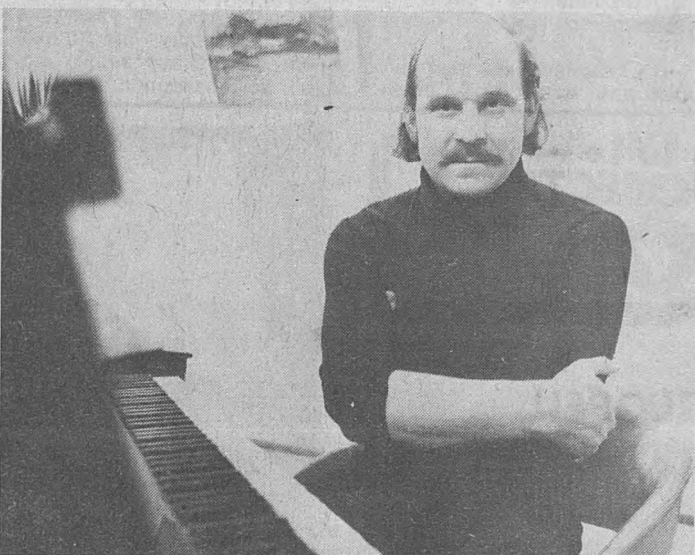
Экспериментируя, он ищет не только «что сказать», а как выразить найденное по-своему. Используя свежие незатертые приемы.

Он знает, к чему стремится. Именно поэтому с ним много хлопот. Он ученик, спорящий с профессором, доказывая свои взгляды и убеждения.

ЗНАКОМЬТЕСЬ!

ПЕРЕСТУПИ ПОРОГ

Это не удивительно. Консерваторию Васк заканчивает второй раз. Явление по нынешним временам не такое уж обычное. Хотя путь к музыке был у него довольно обычным.

В музыкальной школе учился с удовольствием игре на скрипке. Повезло. Первый учитель смог открыть ему дух музыки, живую ее ткань, для многих навеки скрытую за «форте» и «пиано», «бемолями» и «контрапунктами». Он распахнул двери, перед которыми, порою зная «почти все», некоторые топчутся, так и не переступив порога. Так и не узнав любви к музыке.

Когда семья переехала из Айзпуте в Ригу, Петерис пошел в школу имени Э. Дарзиня — учиться на контрабасе. В старших классах почти каждый вечер играл в оркестре театра оперы и балета. Это была вполне серьезная практика. Для будущего композитора, наверное, просто неоценимая. А современную музыку по-настоящему услышал впервые, когда поступил в класс контрабаса Литовской госконсерватории. И был просто потрясен, настолько богатой, необычной и близкой его восприятию она показалась. Потом — армия. И вот снова Рига, кафедра композиции, класс и. о. профессора Валентина Федоровича Уткина.

— Композиция — почему вдруг?

— Наверное, банально прозвучит, но все же факт есть факт. Первые свои песенки сотворил лет в восемь-девять. А если серьезно, даже трудно сказать. Не писать не мог. А роль композитора-дилетанта не привлекала.

Сейчас у него больше тридцати произведений для различных инструментов, разнообразных камерных составов, для хора. Музыка к трем мультфильмам и к новым документальным лентам «Четвертое измерение» Л. Жургиной и «Сергей Эйзенштейн. Предисловие» А. Эпнера.

В последние годы Васк участвовал во Всесоюзном фестивале студентов-композиторов в Ленинграде, представлял республику на Всесоюзном пленуме Союза композиторов страны, посвященном творчеству молодежи, в Москве. Его произведения исполнялись во время фестивалей камерной музыки консерваторий Прибалтийских республик. Министерство культуры Латвии недавно приобрело у него одну из последних работ.

СРЕДИ ТЕХ, кто его слышал, нет равнодушных. Есть или восхищенные, или возмущенные.

— Для меня музыка начинается с драмы, с конфликта, — говорит Васк. — В дипломной симфонической работе хочу, нагнетая, довести напряжение до взрыва. Громадного, вечного гамлетовского вопроса. А в финале подойти — нет, не к однозначному ответу, а только к надежде...

Он долго жил в поисках своего музыкального идеала. И до определенного момента был в своей музыке даже пессимистом. Хотел найти свет, а не тьму в конце пути, но не умел. И оставался самим собой.

На первом курсе появились его Партита для виолончели и фортепиано и Музыка для двух фортепиано.

Партиту сейчас признают и сторонники его и противники. В ней есть и лирика и драматизм. Но здесь герой еще как бы в «белой рубашке», это «красивые страдания».

А в Музыка «рубашка» уже не так бела. Герой сам прошел через все, а не наблюдал с некоей эстетической дистанции. Он прошел через жизнь со всей ее кровью, потом — но и святостью. Многие убеждены, что эту «границу отстраненности» искусству переходить нельзя. Он думает иначе...

И вот, наконец, дипломная работа.

— Кажется, именно здесь нашел оптимистическое решение. Это любовь — в общечеловеческом, широчайшем смысле слова. Вот весы, на одной чаще тяжесть пессимизма... Что положить на другую чашу весов? И в финале должна прозвучать именно тема любви. Должно быть такое чувство, как если бы из холодного зимнего дня вдруг перенестись в теплый, пропитанный солнцем и запахом цветения май...

Его особенно вдохновляет старинная, созданная еще до XVIII века, музыка. И древние латышские дайны. И всегда современный, безграничный Бах. И творчество польских композиторов Лютославского, Сикорского, Пендерецкого.

Он предпочитает писать для камерного состава. Но глубина и масштабность выраженных в его сочинениях чувств и мыслей заставляет подозревать в нем будущего симфониста.

Васк тонко ощущает динамику современного мира. Через всю его музыку как будто пробивается беспокойный, будоражащий ритм контрабаса. Связано это и с ритмами большого города. Контраст чувств, настроений, некоторая плакатность, жесткость, на фоне которой лирическое вспыхивает как прозрение.

Но вот что интересно. Города, где конфликты слишком обострены, он не любит. Прекрасно чувствует себя «на лоне природы». И когда пишет в деревне, вещи получаются более светлые и спокойные. Но как ни странно, кажется, именно город, его противоречия вдохновляют Петериса. Что это? Только начало, только поиск себя? А тот, настоящий Васк — спокойный созерцательный певец гармонии, природы и человека? Кто знает...

А сейчас ему 31. И у него трое малышей.

— Вы хотели бы видеть их в будущем профессиональными музыкантами?

— Это вовсе не обязательно. Но непременно хочу видеть их людьми, понимающими музыку, любящими ее. Постараюсь, чтобы двери в ее мир не оказались для них навсегда и наглухо закрытыми.

Н. МОРОЗОВА.